

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 101.1:316

Doi: 10.29235/2524-2369-2019-64-1-33-40

Поступила в редакцию 11.09.2018

Received 11.09.2018

О. М. Ростовская*Витебский государственный технологический университет, Витебск, Беларусь***ФЕНОМЕН ГОРОДСКОЙ ПАМЯТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. Проведено социально-философское исследование феномена городской памяти. Интерпретация понятий «фигуры памяти», «модусы воспоминания», «субъект городской памяти», «объект городской памяти», «место памяти», «культурные формы», разработка типологии культурных форм городского ландшафта и понятия «субституция» позволили создать целостное представление о городской памяти. Она является одной из форм коллективной памяти, осуществляемой городом как социальной общностью и коллективной исторической индивидуальностью по отношению к себе, известным историческим личностям и продуктам своего культурно-исторического развития, которые олицетворяют историческое прошлое и настоящее города, являются общими для членов городского социума, включены в контекст личной памяти и воспроизводятся в индивидуальных воспоминаниях. Городская память характеризуется изменчивостью и субституционностью, что в значительной степени обусловлено трансформацией городского культурного ландшафта и может быть закономерным процессом развития города и памяти. Субституционность (от лат. *substitutio* – замена, замещение) подразумевает тенденцию к замещению одних объектов памяти другими. На примере Витебска представлена зависимость трансформации городской памяти от изменения городского культурного ландшафта, в результате выявлена многослойная субституционность города и памяти о нем.

Ключевые слова: индивидуальная память, коллективная память, городская память, город, городской культурный ландшафт, фигуры памяти, модусы воспоминания, место памяти, культурные формы, субституция

Для цитирования. Ростовская, О. М. Феномен городской памяти: социально-философский анализ / О. М. Ростовская // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 1. – С. 33–40. Doi: 10.29235/2524-2369-2019-64-1-33-40

О. М. Rastouskaya*Vitebsk State Technological University, Vitebsk, Belarus***PHENOMENON OF URBAN MEMORY: SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

Abstract. The social-philosophical research of a phenomenon of urban memory is presented in the article. The basic is the memory concept. Defining essence of individual and collective memory in their interrelation and development, the author has created the platform for conceptualization of urban memory. Concepts “memory figures”, “reminiscence modes”, “a subject of urban memory” “an object of urban memory”, “the place of memory”, “cultural forms”, development of typology of cultural forms of the urban landscape and the concept “substitution” have allowed to create complete idea of urban memory.

Urban memory is treated as one of forms of collective memory. It is carried out by the city as social community and collective historical identity in relation to itself, to the famous historical figures and products of the sociocultural development who personify the historical past and the present of the city, are uniform for members of urban society, are included in a context of personal memory and are reproduced in individual memoirs.

Urban memory is changeable and substituted (from Latin – *substitutio*) because in development there is a replacement of one objects of memory with others. It is substantially caused by transformation of an urban cultural landscape and can be interpreted as natural development of the city and memory. On the example of Vitebsk the author has shown dependence of transformation of urban memory on change of an urban cultural landscape. The multilayered substitutability of the city and its memory is as a result revealed.

Keywords: individual memory, collective memory, urban memory, city, urban cultural landscape, memory figures, reminiscence modes, the place of memory, cultural forms, substitution

For citation. Rastouskaya O. M. Phenomenon of urban memory: social-philosophical analysis. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 1, pp. 33–40 (in Russian). Doi: 10.29235/2524-2369-2019-64-1-33-40

Современный этап цивилизационного развития характеризуется существенным ускорением социальных процессов. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема освоения и использования социального опыта, которая непосредственно связана с исторической памятью во всех ее аспектах.

Изначально феномен памяти являлся предметом философского познания. В настоящее время его определенные аспекты продолжают оставаться в компетенции философских наук (соотношение памяти и истории, политика памяти, социальная память и другие). В этом контексте получила развитие городская проблематика, включившая в дихотомию «память-история» концепт города как места исторической памяти. Данная тема развивается в трудах зарубежных и отечественных исследователей: П. Нора [1–2], А. Буза [3], А. Хьюссена [4], М. Оже [5–6], А. Смоленчука [7–8], А. Ластовского [9], И. Гурьянова [10] и др. В то же время целостный философский анализ феномена городской памяти, в котором отражены ее существенные характеристики, особенности и закономерности развития, еще не представлен в научной литературе.

Городская память выступает частным звеном, составляющим общую категорию памяти. Философские представления о памяти, несмотря на их сложность и многогранность, развиваются в двух основных направлениях: с одной стороны, *память* – это субъективная, индивидуальная способность души, имеющая чувственную, перцептивную природу, с другой – это надындивидуальный, социальный феномен. Из этого следует выделение двух основных форм памяти – индивидуальной и коллективной. Функционирование индивидуальной памяти обеспечивается психическими процессами мышления, воображения, воли, но прежде всего – восприятия (которое есть процесс и результат создания в сознании представления об объекте) и воспоминания (рассматриваемого и в качестве процесса реконструкции образа и знания, и как результат в виде образа и понятия). Восприятие способствует возникновению мнемических образов, а воспоминание – их экстерииоризации. Образы памяти – порожаемое вследствие восприятия и последующего воспоминания эссенциальное отражение в настоящем того, что имело место в прошлом, – олицетворяющего прошлое и представляющего собой его своеобразный отпечаток и, одновременно, повествование о себе самом в динамике перехода от прошлого к настоящему воспоминанию, воспроизводящему его через призму своей преходящей актуальности.

С точки зрения Анри Бергсона, восприятие насыщено воспоминаниями и нет на самом деле иного [11]. Следовательно, наше восприятие прошлого обусловлено нашими воспоминаниями. При этом возникает проблема *перцептивного круга*: восприятие обращает нас к воспоминанию, но чтобы вспомнить – надо знать, а получению знания предшествует восприятие. В процессе восприятия индивид получает информацию, которая, являясь продуктом экзистенциального опыта, вызывает переживания. Так, знания, переживания и формируемые сознанием образы сохраняются в памяти и впоследствии реконструируются и экстерииоризируются в форме понятий, социокультурных по своей природе. Сплав знаний, переживаний и образов с понятиями, их называемыми и характеризующими, составляет содержание индивидуальных представлений о прошлом и может быть определен как «*фигуры памяти*». Близкий по смыслу термин «фигуры воспоминания» использовал современный немецкий исследователь Ян Ассман в работе «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности». По его мнению, их содержание представляет собой комбинацию понятий и данностей опыта, воссозданных и отнесенных к конкретному времени, пространству и группе [12, с. 39].

Знания и образы памяти – сложные социокультурно обусловленные символические конструкции смыслов, подверженные перманентной трансформации. Понятия также имеют социокультурный характер, являясь конвенционально закрепленными и легитимированными в социальном контексте. Соответственно, *индивидуальная память* есть способность личности сохранять (удерживать) и воспроизводить (воссоздавать) в воспоминании совокупность индивидуальных, социально обусловленных представлений о прошлом, содержащих многочисленные ассоциативно опосредованные фигуры памяти.

Социальная обусловленность личной памяти в значительной степени опосредована перманентным взаимодействием индивида с разными коллективными историческими субъектами – социальными группами и общностями. Социальная среда становится рамкой для фигур индивидуальной памяти и личных переживаний. Подтверждение этому можно найти у Мориса Хальбвакса в работе «Коллективная и историческая память». Анализируя личные воспоминания о детстве, автор сопоставил их со своими знаниями о внешних – социально-исторических, национальных

событиях того времени и, тем самым, вписал мир детства в восстанавливаемые рамки, заключая, что это возможно именно благодаря тому, что его детский мир был сформирован этими рамками. М. Хальбвакс пришел к выводу, что, во-первых, по мере хронологического удаления личное прошлое сжимается, сливается с внешней информацией, образуя единое целое, из которого часто сложно вычленить конкретный фрагмент прошлого (особенно, если он отражает типичное в определенном периоде жизни действие) несмотря на точное знание о том, чем он был; во-вторых, наше прошлое «пропитано» рамками коллективной памяти [13].

Аналитика М. Хальбвакса позволяет выдвинуть тезис об органической двойственности памяти и двух ее видах: автобиографической памяти-переживании – основанной на непосредственном опыте, внутренней, личной, эмпирической, и внешней памяти-знании – социальной, теоретической, хранящей информацию, опосредованную отношением человека с множеством социальных групп и институтов, отражающей общие тенденции и общественное мнение. В то же время эти виды памяти можно интерпретировать как модусы воспоминания: *модус «биографического воспоминания»* воспроизводит непосредственно пережитое и поэтому эмоционально обусловленное прошлое, засвидетельствованное нашим присутствием в нем как субъектов истории; *модус «обосновывающего воспоминания»* представляет опосредованное знание воссозданной, обоснованной реальности прошлого, по отношению к которому индивид – субъект познания. В соотношении с биографическим модусом модус «обосновывающего воспоминания» – значительно более динамичная конструкция, расширяющая границы воспроизводимого прошлого. Хотя следует подчеркнуть, что деление на модусы весьма условно – они обозначаются в контексте теоретического анализа феномена памяти только для акцентуации знания и переживания и их потенциально разной степени соотношения в воспоминании. Связь между ними очень тесная, что обеспечивает целостность воспоминания.

Концептуализация индивидуальной памяти позволяет выявить сущность *коллективной памяти*. Она определяется как коллективный, социально и индивидуально обусловленный феномен и представляет собой совокупность фигур памяти, единых для определенной социальной общности и включенных в контекст индивидуальной памяти ее членов в биографическом и обосновывающем модусах воспоминания. Как и индивидуальная, коллективная память имеет своего субъекта. В этом качестве выступает сообщество людей, объединенных единством кровнородственных отношений, хозяйственной деятельности, места проживания, профессиональной занятости, традиции, языка, исторического прошлого, целей, интересов и потребностей. Важнейшей ее особенностью является идентификация, осознанное чувство принадлежности к социальной общности. Такие сообщества людей могут быть названы коллективными историческими субъектами, поскольку они образуют социальную систему и – как по отдельности, так и в совокупности – играют существенную роль в социальном историческом процессе. К ним относятся семья, род, община, городской и сельский социум, этнос, нация, профессиональные группы. Они являются субъектами коллективной памяти, т. е. создателями, носителями, хранителями и трансляторами фигур памяти, общих для всех членов сообщества. Специфическая особенность данных сообществ заключается в том, что как субъекты коллективной памяти они представляют собой «места» памяти. При этом концепт места в данном контексте понимается как заполненное, освоенное, «усвоенное пространство» [9, с. 18]. Социальную общность можно называть местом памяти, если она, во-первых, выступает в роли символического пространства, заполненного едиными для ее представителей образами, знаниями, переживаниями и понятиями («фигурами памяти»); во-вторых, является объектом памяти, т. е. помнится, осознается, узнается, признается социумом.

Системный анализ произведений классиков социально-философской мысли позволяет осуществить концептуализацию городской памяти. Она является одной из форм коллективной памяти, которая представляет собой совокупность знаний, переживаний, образов и понятий, отражающих историческое прошлое и настоящее города, единых для членов городского социума или его отдельных социальных общностей (национальных, конфессиональных, профессиональных, семейных и др.), включенных в контекст личной памяти и воспроизводимых в биографическом и обосновывающем модусах индивидуальных воспоминаний.

Субъектом городской памяти является город, который интерпретируется в двух ракурсах: в роли социальной общности, выступающей создателем, носителем, хранителем и транслятором знаний, переживаний, образов и понятий, единых для ее представителей; в качестве коллективной реальности и коллективной исторической индивидуальности.

Понятие «коллективная индивидуальность» принадлежит Л. П. Карсавину. Он использовал его в работе «Философия истории», понимая как стяжённое всеединство, познаваемое символически, через свои индивидуализации. Существование коллективной исторической индивидуальности мыслитель обосновывал фактом взаимодействия конкретных индивидов [14, с. 161–170]. Хотя он не писал о городе, данное обозначение к нему вполне применимо, как и понятие «коллективная реальность», которое Н. А. Бердяев употреблял в отношении государства, общества, нации. Осмысливая вопрос о коллективных реальностях, философ признавал их индивидуальностями, но никак не личностями ввиду отсутствия «экзистенциального центра», которым обладает лишь человеческая личность [15, с. 228].

Можно выделить два уровня выявления индивидуальности города. Первый уровень весьма поверхностный, но именно он формирует первоначальное и устойчивое восприятие. Это «взгляд путешественника», фиксирующий исторический облик города, создающий и сохраняющий в памяти его образ. Второй уровень по своей протяженности соотносится с прошлым и настоящим измерениями бытия города и образуется в процессе длительного, постепенного, перманентного наблюдения и исследования, переживания и познания города как культурно-исторического субъекта памяти и места, сформированного множеством личных воспоминаний. Таким образом, исследование исторической индивидуальности города требует проникновения в те глубинные слои, следы которых недоступны взгляду ознакомительному. При этом наличие обоих уровней способствует обнаружению и познанию индивидуального в каждом конкретном городе. Следовательно, для человека, заинтересованного в исследовании городского организма с личной либо профессиональной целью, важно сформировать эти уровни, используя все возможности изучения города и городской памяти.

Город является местом памяти не только как символическое пространство, которое представляет собой социальная общность, но и в качестве реального освоенного пространства, заполненного культурными формами, которые помнятся, т. е. становятся объектами индивидуальных воспоминаний и городской памяти. Культурные формы – это продукты культурно-исторического развития города, существующие в городском пространстве, определенным образом организующие его и выступающие в роли потенциальных фигур памяти (знаний, образов, переживаний и понятий), формируемых и сохраняемых в памяти человека и воспроизводимых посредством воспоминания. Вследствие культурной кодификации места естественного происхождения (возвышенности, гидрологические и другие природные объекты) становятся культурными формами, тогда как артефакты (например, храмы, мемориалы, некрополи, наименования и другие продукты человеческого сознания и жизнедеятельности) есть априори культурные формы. Также и всякая личность, будучи продуктом социализации, и всякий коллективный исторический субъект (нация, семья, город как социальная общность), являющийся социокультурно образованным конструктом, представляют собой культурные формы.

Таким образом, объектами городской памяти выступают *культурные формы*, к числу которых относятся:

город в роли социальной общности, коллективной реальности и коллективной исторической индивидуальности;

известные личности, зафиксированные в городском социокультурном пространстве и сознании городского социума;

предметы жизнедеятельности города (городская символика, легенды и легендарные, символические места города, топонимы, архитектура, памятники, некрополи, городские праздники и традиции и др.).

На примере Витебска, взятого в качестве репрезентативной модели, представлены культурные формы городского ландшафта в исторической ретроспективе, отраженные в индивидуальной памяти о городе и сформировавшие пласт культурного наследия для городской памяти последу-

ющих поколений. Источниками их выявления послужили литературные произведения И. А. Бунина [16, с. 422–423] и Т. Лада-Заблоцкого [17, с. 271]; мемуары философа Н. О. Лосского [18], полоцкого краеведа и педагога И. П. Дейниса [19], витебского историка и краеведа Н. Я. Никифоровского [20], художника М. Шагала [21]; письма художника И. Е. Репина [22, с. 435, 427–429], актрисы и писательницы Л. Д. Менделеевой-Блок [23, с. 10], записки статского советника, вице-губернатора Харьковской губернии М. П. Жданова [24, с. 175–177]. В воспоминаниях, отображающих Витебск конца XVIII–XX веков, с одной стороны, актуализирован биографический модус и фиксируются те культурные формы города, которые выполняют роль рамки личных переживаний, с другой стороны, выделяются визуально воспринимаемые доминантные городские объекты, либо те, которые выполняют функцию ориентиров в пространстве: храмы, кладбища, городские топонимы (названия рек – Двина, Витьба, Лучёса, возвышенностей – Успенская горка, Юрьева горка, улиц, площадей, рынков, магазинов, гостиниц).

Образы Витебска, как и любого другого города, и воспоминания о нем изменяются с течением времени, что обусловлено процессами урбанизации, социально-историческими и политико-идеологическими событиями, т. е. зависят от ряда социальных и политических факторов (разрушения в результате военных действий, смена государственного строя и политико-идеологического курса, расширение городских границ с включением в них прилежащих территорий и др.), которые актуализируют трансформацию культурных форм города. Примером является разрушение культовой архитектуры в советский период отечественной истории и ее восстановление в постсоветское время.

Поскольку городской культурный ландшафт образован взаимосвязью организующих его культурных форм, их трансформация влечет за собой изменение городского ландшафта. Можно обозначить три варианта объяснения такой трансформации: она выступает формой закрепления в обществе конкретной идеологии; следствием социокультурной изменчивости, представляющей собой закономерный процесс социально-исторического развития; присущим индивидуальным и коллективным историческим субъектам проявлением биофилии и некрофилии [25].

Наиболее важное социокультурное значение имеют такие культурные формы города, которые образуют его *мемориальный культурный ландшафт*, целенаправленно осуществляя функцию увековечения людей и событий в коллективной памяти (урбанонимы, мемориалы, музеи, храмы, некрополи). Они характеризуются тем, что являются отражением и воплощением действительности и актуальной исторической политики; оказывают определенное влияние на индивидуальную и коллективную память и идентичность современников своим присутствием в городском пространстве; представляют собой потенциальные места городской памяти.

Таким образом, существует связь городской памяти и городского ландшафта. Изменение культурного ландшафта города обуславливает трансформацию памяти. Культурные формы городского ландшафта отражают политику памяти и в то же время формируют соответствующую городскую память (ярким примером являются памятники, увековечивающие память о событиях Великой Отечественной войны).

Обозначить и раскрыть этапы и варианты изменения культурных форм позволяет *типология культурных форм городского ландшафта*. Стоит отметить, что в ее контексте «эйдетичность» означает наличие определенного образа, а «объективированность» – локализацию культурного объекта в актуальном городском пространстве. Типология включает три основных типа культурных форм и подтипы:

1. *Эйдетически объективированные культурные формы* – заполняют актуальный городской ландшафт и являются местами индивидуальной и коллективной памяти современников. Среди них: *аутентичные культурные формы*, которые удерживают в себе первоначально заложенный социокультурный смысл;

воссозданные культурные формы, которые являются продуктами реконструкции;

субституционные культурные формы (от лат. *substitutio* – замена, замещение), которые возникают вследствие «замещения» прежних, имеют иное социокультурное содержание, облик, функциональное назначение и могут быть определены как объекты измененной идентичности;

частично объективированные культурные формы, которые существуют лишь фрагментарно, представляя собой руины, остатки, фрагменты.

2. *Эйдетически необъективированные культурные формы* – образуются вследствие их исчезновения из контекста реального городского ландшафта и сохраняются только в коллективной и индивидуальной памяти.

3. *Постмемориальные культурные формы* (термин «постмемориальный» буквально понимается как отсутствующий, находящийся за пределами памяти, после увековечения, после памяти) – это забытые объекты культурного наследия, которые не существуют в индивидуальной памяти и коллективной памяти городского сообщества.

Придерживаясь данной типологии, можно сказать, что культурные формы города возникают как аутентичные либо субституционные. Впоследствии возможна их трансформация в частично объективированный и эйдетически необъективированный типы. С течением времени они превращаются в постмемориальные культурные формы или возрождаются в результате реконструкции, а точнее – реставрации, и становятся воссозданными. В том случае, если они воссоздаются, замещающая собой другие, прежние культурные формы, им соответствует субституционный тип.

Если культурная преемственность сохраняется, образ города как ареала присутствия, сосуществования и взаимосвязи множества культурных форм представляет собой коллаж, интегрирующий культурные проявления разных эпох. И хотя современность все более выразительно контрастирует с обликом исторического города, это не уменьшает укрепленную эйдетическими образами городскую память. Однако часто историческая и урбанистическая политика противоречит принципу сохранения историко-культурных форм и, соответственно, развитию самоидентичности городского социума. Пространство города конструируется из актуальных паттернов, нарушающих преемственность. Результат – изменение и замещение культурно-исторического образа города в процессе его перманентной трансформации.

История города Витебска показывает, что вследствие исторических, урбанизационных, социально-политических, экономических преобразований происходит трансформация культурного, в частности мемориального, ландшафта. Он является многослойно субституционным. Установление новых мемориальных форм в исторической части города не просто отрицает возможность воссоздания эйдетически необъективированных культурных форм, но легитимирует субституцию и сознательную, целенаправленную смену индивидуальной и коллективной памяти. Историческая реставрация, создавая «воссозданные культурные формы», по сути, является субституционной, если в результате замещает прежние места памяти.

Годонимы, храмы и кладбища являются наиболее распространенными примерами субституции в мемориальном ландшафте Витебска. На протяжении столетий со сменой идеологий одни названия улиц, переулков, площадей замещались другими (улица Великая Илемницкая – Великая – Большая – Большая Суражская – Старосуражская – С.-Петербургская – Смоленская – современная улица Ленина; улица Взгорская – Офицерская – Володарская – современная улица Суворова; Соборная площадь – современная площадь Свободы и т. д.). В ходе исследования выявлено 45 храмов и 39 некрополей, определенных, согласно выше описанной типологии, как эйдетически необъективированные типы культурных форм в мемориальном ландшафте Витебска. Эти места городской памяти замещены (субституцированы) другими местами, иными культурными формами.

Субституционность культурного ландшафта Витебска отражается в памяти городского социума и является одной из характеристик городской памяти. Замещенные, необъективированные – невидимые в городском пространстве места могут сохраняться в письменных источниках, но забываются горожанами, замещаются другими местами памяти. Этот процесс, определяемый с помощью понятия «*субституция*», можно трактовать как закономерность, присущую не только памяти – как индивидуальной, так и коллективной, но также культурно-историческому развитию города, городского социума и общества в целом.

Таким образом, исследование городской памяти возможно и в ракурсе изучения истории города, и посредством обращения к индивидуальным воспоминаниям. Но только комплексное познание создает основу для социально-философского анализа. В результате выявляются существенные характеристики городской памяти, ее субъект и объекты, а также причины, обуславливающие ее трансформацию.

Список использованных источников

1. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. – 2005. – № 2/3. – С. 202–208.
2. Nora, P. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire* / P. Nora // *Representations*. – 1989. – № 26. – P. 7–24.
3. Busa, A. *City of memory* / A. Busa // *Encyclopedia of urban studies* / ed. by R. Hutchison. – Los Angeles, London, New Delhi: Sage, 2010. – P. 158–160.
4. Huyssen, A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory* / A. Huyssen. – Stanford: Stanford University Press, 2003. – 177 p.
5. Оже, М. *Формы Забвения. Реферат* / М. Оже // *Отечественные записки*. – 2008. – № 4. – С. 186–195.
6. Auge, M. *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity* / M. Auge. – London, New York: Verso, 1995. – 122 p.
7. Смалянчук, А. Вільня як месца памяці многіх народаў / А. Смалянчук // *Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працесаў урбанізацыі ў Беларусі / М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы*. – Гродна, 2009. – С. 363–367.
8. Смалянчук, А. Трансфармацыя месцаў памяці постсавецкага Гродна [Электронны ресурс] / А. Смалянчук // *Historians*. – Режим доступа: <http://www.historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/551-ales-smalanchuk-transfarmatsiya-mests-pamiatsi-postsavetskaha-hrodna>. – Дата доступа: 01.09.2013.
9. Ластовский, А. *Городской ландшафт как место памяти и идентичности* / А. Ластовский // *Палітычная сфера*. – 2009. – № 12. – С. 17–28.
10. Гурьянов, И. Г. *Городская память как метафора и как область исследований* / И. Г. Гурьянов // *Артикульт*. – 2015. – № 17(1). – С. 13–26.
11. Бергсон, А. *Материя и память: Собр. соч.: в 4 т.* / А. Бергсон. – М.: Моск. клуб, 1992. – Т. 1. – 336 с.
12. Ассман, Я. *Культурная память. Письмо, память о прошлом, и политическая идентичность в высоких культурах древности* / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
13. Хальбвакс, М. *Коллективная и историческая память* / М. Хальбвакс // *Неприкосновенный запас*. – 2005. – № 2–3. – С. 8–25.
14. Карсавин, Л. П. *Философия истории* / Л. П. Карсавин. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 510 с.
15. Бердяев, Н. А. *Опыт эсхатологической метафизики* / Н. А. Бердяев // *Царство духа и царство кесаря / сост. и послесл. П. В. Алексеева*. – М.: Республика, 1995. – С. 163–286.
16. Бунин, И. А. *Жизнь Арсеньева* / И. А. Бунин // *Жизнь Арсеньева. Роман. Рассказы* / И. А. Бунин; сост. и авт. сопровод. текстов А. Саакянц; худож. Г. Новожилов. – М.: Мол. гвардия, 1987. – С. 185–458.
17. Лада-Заблоцкі, Т. *Ваколіцы Віцебска* / Т. Лада-Заблоцкі; пер. з польскай П. Бітэля; пер. заўваг Т. Лады-Заблоцкага У. Мархеля // *Шляхам гадоў: гіст.-літ. зб.* / уклад. Я. Янушкевіча. – Мінск: Маст. літ., 1994. – С. 270–286.
18. Лосский, Н. О. *Воспоминания* / Н. О. Лосский // *Віцебскі сшытак*. – 2000. – № 4. – С. 165–181.
19. Мемуары И. П. Дейниса. *Витебская мужская гимназия. 1910–1918 гг.* // *Архив Музея истории образования Витебщины при ГУО «Витебский областной институт развития образования»*. – Ф. 21.
20. Никифоровский, Н. Я. *Странички из недавней старины города Витебска: Воспоминания старожила* / Н. Я. Никифоровский. – Минск: Полымя, 1995. – 149 с.
21. Шагал, М. *Моя жизнь* / М. Шагал; пер. Н. Мавлевич. – СПб.: Азбука, 2000. – 416 с.
22. Репин, И. Е. *Избранные письма: в 2 т.* / И. Е. Репин. – М.: Искусство, 1969. – Т. 1. – 463 с.
23. Хмельницкая, Л. *Гастрольный тур Мейерхольда* / Л. Хмельницкая // *Витьбичи*. – 2009. – 17 декабря. – С. 10.
24. Жданов, М. П. *Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С.-Петербургской, Новгородской и др.* / М. П. Жданов. – СПб.: Издание книгопродавца Василия Полякова, 1843. – 212 с.
25. Фромм, Э. *Душа человека, его способность к добру и злу* / Э. Фромм // *Душа человека*. – М.: Республика, 1992. – С. 13–108.

References

1. Nora P. World triumph of memory. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture = Emergency ration: a debate about policy and culture*, 2005, no. 2/3, pp. 202–208 (in Russian).
2. Nora P. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. Representations*, 1989, no. 26, pp. 7–24.
3. Busa A. *City of memory*. Hutchison R. (ed.). *Encyclopedia of urban studies*. Los Angeles, London, New Delhi: Sage, 2010, pp. 158–160.
4. Huyssen A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press, 2003. 177 p.
5. Ozhe M. *Forms of oblivion: abridged translation. Otechestvennye zapiski [Domestic notes]*, 2008, no. 4, pp. 186–195 (in Russian).
6. Auge M. *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London, New York, Verso, 1995. 122 p.
7. Smalyanchuk A. *Vilnius as place of memory of many nations. Gistaryyagrafiya i krynitsy pa gistoryi garadoŭ i pratsesaŭ urbanizatsyi ŭ Belarusi [Historiography and sources on stories of the cities and processes of an urbanization in Belarus]*. Grodno, 2009, pp. 363–367 (in Belarusian).
8. Smalyanchuk A. *Transformation of places of memory of post-soviet Grodno. Historians*. Available at: <http://www.historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/> (Accessed 01 September 2013). (in Belarusian).

9. Lastovskii A. Urban landscape as place of memory and identity. *Palitychnaya sfera* [Political sphere], 2009, no. 12, pp. 17–28 (in Russian).
10. Gur'yanov I. G. Urban memory as metaphor and as field of research. *Artikult* [Art and culture], 2015, no. 17 (1), pp. 13–26 (in Russian).
11. Bergson A. Matter and Memory. *Collected Works. Vol. 1*. Moscow, Moskovskii klub Publ., 1992, pp. 157–327 (in Russian).
12. Assman Ya. *Cultural Memory: writing, memory on the past and political identity in the ancient high cultures*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 368 p. (in Russian).
13. Khal'bvaks M. Collective and Historical Memory. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2005, no. 2–3, pp. 8–25 (in Russian).
14. Karsavin L. P. *Philosophy of history*. Moscow, AST Publ., 2007. 510 p. (in Russian).
15. Berdyaev N. A. Experience of eschatological metaphysics. *Carstvo duha i carstvo kesaria* [Kingdom of spirit and kingdom of the Caesar]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 163–286 (in Russian).
16. Bunin I. A. Arsenyev's life. *Arsenyev's life. Novel. Stories*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1987, pp. 185–458. (in Russian). road year
17. Lada-Zablotski T. Vicinities of Vitebsk. *Shlyakham gadou: gistoryka-litaraturny zbornik* [Road Year: Historico-literary collection]. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1994, pp. 270–286 (in Belarusian).
18. Losskii N. O. Memoirs. *Vitsebski cshytak* [Vitebsk notebook], 2000, no. 4, pp. 165–181 (in Russian).
19. I. P. Deynis's memoirs. Vitebsk men's gymnasium. 1910-1918. Archive of the Museum of history of formation of Vitebshchina at Public Institution of Education «Vitebsk regional institute of development of education». Fund 21. (in Russian).
20. Nikiforovskii N. Ya. *Pages from recent old times of the city of Vitebsk: Memoirs of the old resident*. Minsk, Polymiya Publ., 1995. 149 p. (in Russian).
21. Shagal M. *My life*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 416 p. (in Russian).
22. Repin I. E. *Chosen letters. Vol. 1*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 463 p. (in Russian).
23. Khmel'nitskaya L. Road tour of Meyerhold. *Vit'bichi* [Vitsbichi], 2009, 17 December, p. 10 (in Russian).
24. Zhdanov M. P. *Traveling notes across Russia, in twenty provinces of St. Petersburg, Novgorod, etc.* St. Petersburg, Publisher bookseller Vasily Polyakov, 1843. 212 p. (in Russian).
25. Fromm E. The Heart of Man, its genius for good and evil. *The Heart of Man*. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 13–108 (in Russian).

Информация об авторе

Ростовская Ольга Михайловна – ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Витебский государственный технологический университет (Московский пр-т, 72, 210035, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: rosolg@gmail.com.

Information about the author

Olga M. Rastouskaya – Assistant to Department of social-humanitarian disciplines. Vitebsk State Technological University (72 Moskovsky Ave., 72, Vitebsk 210035, Belarus). E-mail: rosolg@gmail.com.